

ОБЩЕЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'373.1

СЛАВЯНО-ГРЕЧЕСКИЕ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ (на материале наименований ребёнка)

Е.И. Аюпова

Казанская духовная семинария, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о степени этимологической близости между славянскими и древнегреческими нарицательными наименованиями ребёнка. Анализ лексических единиц осуществляется в генеалогическом и типологическом аспектах. Отмечается, что установление прямых этимологических соответствий в изучаемой лексической группе не всегда возможно, поскольку коррелирующие лексемы формировались в этих языках изолированно друг от друга, однако даже при отсутствии прямых связей генетическая близость языков порождает структурно-типологическое сходство словообразовательных моделей. Выявление этого даёт возможность высказать некоторые предположения о родственности межъязыковых коррелятов на основе их фонетической и деривационной общности. В ряде случаев можно говорить о типологическом сходстве аффиксальных формантов, выражающих различными средствами общую словообразовательную и грамматическую семантику (отсутствие речи, идею пассивности, принадлежность к среднему роду и под.). Описанные лексико-грамматические наблюдения позволяют сделать вывод о важности широкого привлечения греческого материала при этимологическом анализе славянской лексики.

Ключевые слова: славяно-греческие этимологии, наименования ребёнка, словообразовательная модель, генеалогическое родство, типологическое сходство

Общеизвестно, что греческий и славянские языки – родственные ветви индоевропейской семьи, но разошлись они в глубокой древности: «...Нет сомнений в том, что к началу III тысячелетия до н. э. из относительно единого праиндоевропейского языка уже выделились анатолийские (хетто-лувийские), арийские (индо-иранские) языки, греческий язык, то есть индоевропейский праязык к этому времени уже распался» [1]. По этой причине при реконструкции архетипических форм обнаруживается намного меньше прямых славяно-греческих этимологических соответствий, чем, скажем, в отношении германских или балтийских языков (которые намного дольше развивались в единстве со славянской ветвью), хотя определённый процент таких соответствий всё же присутствует среди древнейших наименований.

Так, можно с уверенностью утверждать, что являются исконными лексемами, а не заимствованиями, проникшими из одного языка в другой в процессе межэтнических контактов, базовые славянские и греческие обозначения родства: рус. *мать* – греч. *μήτηρ*¹, рус. *дочь* – греч. *θυγάτηρ*, рус. *деверь* – греч. *δαίρ* и проч. О несомненной родственности свидетельствуют и соответствия между числовыми обозначениями: рус. *два* – греч. *δύο*, рус. *три* – греч. *τρία*, рус. *пять* – греч. *πέντε* и под. Ср.: «...В индоевропейских языках в целом нет иного такого класса слов, включая обозначения семейных отношений, который бы столь же полно и отчётливо сохранил исходный корнеслов, как имена числительные» [2, с. 29].

Тем не менее при сопоставлении славянского и греческого материала в большинстве случаев родственные связи не лежат на поверхности, а требуют вдумчивого анализа. Иногда таковой позволяет выявить этимологическое родство не корневых, но аффиксальных морфем. Кроме того, генетическая общность языков порождает и структурно-типологическое сходство моделей, что также демонстрируют этимологические изыскания. Рассмотрим подобные случаи на примере нарицательных лексем, обозначающих ребёнка, невзрослого человека. Этот класс слов (тоже весьма древнего происхождения) сформировался всё же позднее, чем наиболее архаичные термины семейного родства, поэтому обнаружение прямых этимологических соответствий оказывается здесь далеко не всегда возможным.

К лексическому ядру данной группы принадлежит слово *дитя* (др.-славян. *дѣтъа*), которое, по мнению этимологов (см., например, [3, т. 1, с. 516; 4, т. 1, с. 246–247]), восходит к глаголу *доити* с древнейшим значением ‘кормить грудью, вскармливать молоком’². Предполагаемая праформа **dhoi-t-en-t* (> **děte*), вполне прозрачная в отношении корня, имеет несколько суффиксов, значение которых требует интерпретации.

Весьма вероятно, что начальная часть **dhoi-t-* представляет собой глагольную основу, осложнённую пассивным суффиксом и передающую, следовательно, семантику объектной пассивности (‘вскормленное молоком’). Скорее всего, эта форма возникла как отглагольное субстантивированное прилагательное типа *мытъ*, *битъ*, *крытъ*. Можно предположить, что основа *дѣтъ-*, будучи оформленной по женскому роду **ĭ*-основ (**дѣтъь*), в глубокой древности приобрела возможность собирательного употребления с семантикой ‘выводок, потомство’. Форма множественного числа (*дѣти*) от этого реконструируемого существительного широко употребляется и в наши дни в качестве парадигматического коррелята к сингулятивам *ребёнок* и *дитя* (Ож., с. 163) (см. также [5, с. 246]).

Однако в дальнейшем к отглагольной основе *дѣтъ-* присоединились дополнительные суффиксальные форманты **-en-* и **-t-*, давшие при монофтонгизации рефлекс *-ę* (славян. *-а*) и образовавшие известное «наращение» косвенных падежных форм *-ят-* (*дит-я* – *дит-ят-и*). О.Н. Трубочёв предполагает, что все

¹ Здесь и далее в качестве лексикографического источника выступает «Древнегреческо-русский словарь» И.Х. Дворецкого (ДГР).

² Ср. ц.-славян. *Горе же непразднымъ и долицымъ въ тыл дни* (Мф 24:19), звучащее в синодальном переводе Священного Писания как *Горе же беременным и питающим сосцами в те дни!* (<https://azbyka.ru/biblio/?Mt.24&ucs>).

три форманта (включая первый пассивный суффикс *-t-) синонимичны и призваны усилить передаваемое значение (ср. синонимиию славянских суффиксов страдательных причастий: *уби-ен-ный*, *уби-т-ый*). Перед нами типичное «нанизывание нескольких суффиксов» схожей семантики: «Возможно, древний суффикс -t- указывает на наличие пассивной формы... после присоединения нового суффикса значение, по-видимому, осталось прежним: ‘вскормленное’» [6, с. 37].

В то же время можно предположить, что все форманты имели некоторую специфику, а не дублировали друг друга. К примеру, суффикс *-en- мог передавать не столько значение прямого объекта при страдательном залоге (как у отглагольного *-t-), сколько обобщённую семантику среднего рода, выражающую, вероятно, идею социальной пассивности, неполноценности, незначимости. Известно, что именно носовой звук *m/n* флексий или суффиксов нередко служил в индоевропейских языках своеобразным маркером среднего рода, ср. лат. *-um*, греч. *-ov*, славян. основы на *-мя/-мен-* (*знамя*, *знамени* и под.). Очевидно, благодаря добавленному к отглагольной основе суффиксу *-en- само слово *дитя* и схожие с ним древнерусские образования *теля*, *ягня* и прочие были грамматически оформлены по среднему роду (см. также [7, с. 198–203]).

Третий суффиксальный формант (*-t-), совпадающий с первым, тоже мог обладать особой семантикой, судить о которой нам позволяет варьирование синонимичных словообразовательных средств после суффикса *-en-* в сходных дериватах: *дет-ён-ыш*, *млад-ен-ец*, *реб-ён-ок*. Во всех подобных случаях мы видим так называемый уменьшительный суффикс, то есть формант с семантикой малости, невзрослости, образующий диминутив. В связи с этим нам представляется вполне возможным наличие этой семантики и у суффикса *-t-, конкретизировавшего пассивное образование среднего рода.

Какой бы ни была интерпретация словообразовательной структуры слова *дитя*, в данном случае приходится признать, что это славянское наименование ребёнка генетически стоит особняком от греческих, которые обнаруживают, однако, семантическую аналогию в образовании отглагольного имени: *τὸ τέκνον* ‘ребёнок’ (букв. ‘рождённое’ при *τίκτω* ‘рождаю’), *τὸ θρέμμα* ‘дитя, питомец’ (букв. ‘вскормленное’ при *τρέφω* ‘питаю, кормлю’). Интересно, что флексивные и суффиксальные форманты данных дериватов (-v-, -ov и -ματ-) также содержат носовые звуки в качестве приметы среднего рода: древнейшее типологическое сходство проявляется в грамматическом оформлении многих славянских и греческих наименований ребёнка по среднему роду. Ко всем подобным образованиям можно отнести замечание В.В. Колесова о слове *дѣтя*: «Своей формой среднего рода... оно указывает на то, что в только что родившемся члене прежде не различали пола и не обращали внимания на подробности возраста» [8, с. 72].

Тем не менее мы обнаруживаем в греческом материале отдельные параллели составляющих слово *дитя* морфем. Так, можно предположить дальнейшее родство корневой морфемы с греческим глаголом *θηλάζω* ‘кормить грудью; сосать’ (при лексемах *ἡ θηλή* ‘сосок’, *τὸ θῆλυ* ‘женщина, женский пол’), о чём говорит как смысловая, так и звуковая близость (наличие в корне зубного придыхательного согласного), хотя более близким соответствием этому глаголу является, несомненно, славян. *tele*: др.-рус. *теля*, *тельць*, *телица*, рус. *телёнок* (ср. *тёлка*, *телиться* и проч.) [9, с. 44–45].

Обратим внимание и на наличие в греческом материале лексем с дифтонгической огласовкой, передающих идею питания, кормления: *ἡ θοίτη* ‘еда, угощение’, *θοινάω* ‘угощать’, *τὸ δειπνον* ‘пища, трапеза, корм’. О.Н. Трубочёв предлагает любопытную версию о связи с индоевропейским корнем **dhoi-* известного греческого наименования раба *δοῦλος*. По мнению этого учёного, данное слово первоначально обозначало именно ребёнка (внутренняя форма – ‘сосунок’), что фонетически подтверждает зафиксированная в крито-микенском диалекте неслитная форма *δόελος* (<**dhoi-elo-s*, ср. лат. *filius*, латышск. *dēls* ‘сын, ребёнок’). Значение ‘раб, невольник’ Трубочёв считает вторичным, более поздним [6, с. 37, прим. 144].

Суффиксальные форманты лексемы *дитя* также имеют параллели в греческом слово- и формообразовании. К примеру, при реконструируемом значении ‘вскормленное’ группа **-tent* и формально, и семантически сходна с суффиксальным показателем греческого страдательного причастия *-θεντ-* (ср. формы среднего рода: *τὸ γεννηθέν, γεννηθέντος* ‘рождённое’). Однако этот греческий формант распадается на показатель пассива *-θε-* и суффикс причастия *-ντ-*, тогда как в славянской реконструкции чётко выделяется самостоятельный суффикс **-en-*, осложнённый финалью **-t-* (ср. его complication другими финалями: *дет-ён-ьши, реб-ён-ок, млад-ен-ец*). Следовательно, сходство с греческим пассивным причастием приходится признать в некотором роде случайным. Однако сами по себе форманты **-en-* и **-t-* находят несомненные греческие параллели. Так, суффиксом *-т-* с пассивным значением осложняются греческие отглагольные прилагательные типа *ἀγαπη-τ-ός* ‘возлюбленный’, *γεννη-τ-ός* ‘рождённый’ и под. Медиопассивный суффикс *-μεν-* (*φερό-μεν-ος* ‘несомый’, *ἀγαπη-μέν-ος* ‘возлюбленный’) формально близок и функционально аналогичен славянским суффиксам страдательных причастий **-т-* и **-en-* (ср. *несо-м-ый, корми-м-ый, принес-ён, вскормл-ен*).

Ещё одна ключевая для данной группы лексема – *ребёнок* – имеет дискуссионную этимологию. «Значение индоевропейского корня определяют довольно расплывчато» [4, т. 2, с. 91]: ‘сирота’, ‘наследник’, ‘маленький’, ‘слабый’, ‘беспомощный’ и под. О.Н. Трубочёв полагает, что первоначальной у корня **orbh-* была именно семантика малости, которая впоследствии приобрела социальные смысловые оттенки: «Известная вторичность возникновения рабства и подневольного труда по отношению к эпохе родового строя говорит только об одном возможном направлении развития значений: ‘дитя, маленький’ > ‘раб, работать’» [6, с. 40]. Аналогичная ситуация реконструируется и в отношении греч. *δοῦλος* (см. выше). И всё же, на наш взгляд, нельзя совсем исключать и противоположной ситуации, допускающей, что семантика социальной подчинённости, неполноценности у корня **orbh-* была первичной (ср. её широкую распространённость в индоевропейских языках: рус. *раб, работа*, укр. *робити* ‘делать’³, нем. *Arbeit* ‘работа’, *Erbe* ‘наследство’ и под.), а значение возрастной малости – вторичным. В таком случае др.-рус. *робл* (> *робенок* > *ребёнок*) следует понимать как ‘дитя *роба*, слуги, работника’ с последующим расширением и нейтрализацией значения.

³ Здесь и далее см. любой переводной словарь, в том числе многоязычный электронный ABBYY Lingvo (www.lingvolive.com).

Греческим «родственником» данного славянского наименования ребёнка принято считать лексему *ὁ ὀρφανός* ‘сирота’, содержащую древнейшую огласовку корня без метатезы. Значение греческого слова синкретично: оно совмещает как идею малости, невзрослости, так и идею социальной униженности, неблагополучности, лишения (ср. греч. *ἡ ὀρφανία* ‘недостаток, отсутствие’, *ὀρφανίζω* ‘лишать’), так что его родство со славянскими основами **orb-*, **orbet-* в любом случае вполне возможно.

Наиболее прозрачной принято считать этимологию славянской лексемы *члдо*, которую издавна соотносили с герм. *Kind* ‘ребёнок’ [3, т. 4, с. 311]. Между тем ещё О.Н. Трубочёв указывал на разность внутренней формы этих слов: если германский термин родства восходит к семантике рождения (**ġentóm* ‘рождённое’), то славянский – к семантике зачатия, ср. тот же корень в словах *за-чл-ти*, *на-чл-ти*, *кон-ьць*, *ис-кон-и* и под. (а также в нем. *beginnen* ‘начинать’) [6, с. 42–43]. В таком случае греческим родственником германской лексемы *Kind* является, безусловно, глагол *γεννάω* ‘рождать’ и его производные с корнем *γεν-*, а для славянской лексемы *члдо* обнаруживается соответствие *καινός* ‘новый’. Однако, по нашему убеждению, нельзя также исключать древнейшее родство корней с семантикой порождения и с семантикой временного становления, происхождения (ср. выше славянскую группу слов), яркой иллюстрацией чего может служить греческий глагол *γίγνομαι* (с архаической редупликацией в корне *γν-*, *γεν-*) ‘становиться, возникать, происходить, рождаться’. Следовательно, при разности ближайшей внутренней формы глубинное единство указанных славянского, германского и греческих корней вполне возможно – их связывает семантика начала во времени.

Кроме того, германскую и славянскую лексемы роднит суффиксальный формант **-d-* с объектным значением, довольно редко встречающийся на славянской почве (ср. *стати* – *ста-д-о*). Любопытно, что он используется и в главном греческом обозначении ребёнка – *ὁ/ἡ παῖς* (основа *παιδ-*), которое образовано, по всей видимости, от глагола *παίω* ‘бить, ударять, вонзать, совокупляться’. Если это предположение верно, то налицо типологическое сходство славянской и греческой словообразовательных моделей: *(за)-чл-ти* > *чл-д-о* и *παί-ω* ‘зачинать’ > **παι-δ-ς* > *παῖς* ‘ребёнок’.

Ещё одно наименование ребёнка – слово *младенец* – было образовано от праславянского корня **mold-*, который возводят к индоевропейскому корню **mol-/mel-* со значениями ‘молоть, дробить, размягчать’. Этот корень, по мнению О.Н. Трубочёва, осложнён суффиксом *-dh-* «с первоначальным значением результата, достигнутого состояния» [6, с. 47]. Иначе говоря, основа *молод-* значила при её возникновении ‘нечто мелкое, измельчённое’. При такой этимологии славянские слова *молод*, *младенец* оказываются родственными греческим лексемам *ἡ μύλη* (или *ὁ μύλος*) ‘мельница’ и, возможно, *τὸ μέλος* ‘член, часть тела’, *μαλακός* ‘мягкий, нежный’, *μαλάσσω* ‘размягчать, раздавливать, разминать’ и под. Вспомним также нем. *mold* ‘мягкий, нежный’, *Mühle* ‘мельница’, англ. *mild* ‘мягкий, слабый’, *mill* ‘мельница’ и т. п., чтобы убедиться в древнейшей общности указанных корней славянских, германских и греческого языков. Таким образом, внутренней формой славянского корня *млад-/молод-* (осложнённого пассивным суффиксом **-d-*, ср. выше сказанное о слове *члдо*), от которого образована лексема

младенец, можно считать идею малости, небольшого размера, реализованную также в группе родственных слов *мель*, *мелкий*, *молоть*, *мельница* и проч.

Наконец, лексема *отрок*, бывшая в средневековом узусе одним из употребительных наименований ребёнка, имеет принципиально иную этимологию, подчёркивающую, как принято считать (см., например, [10, с. 60]), специфику не только возраста ('невзрослый'), но и социального статуса ('подчинённый, бесправный'): *отрок* – тот, кому отказано в праве речи (ср. также образования *от-речение*, *от-рицание*), тот, кто по своему общественному положению и возрасту не может высказываться, выражать своё мнение, «не имеет ещё права голоса на совете» [8, с. 69]. По мнению В.В. Колесова, это «уже собственно социальный термин»: слово *отрок* «стало означать и подростка, и дружинника (младшего в данной дружине), и слугу, и работника в доме» [8, с. 72].

Идею «неговорения», отсутствия речи выражали и древнерусские производные *отроча*, *отрочиць*, обозначавшие уже собственно ребёнка, не умеющего говорить [10, с. 62]. В этом смысле по внутренней форме данным лексемам близко украинское обозначение грудничков *немовля*, *немовлятко*, а также, вероятно, греч. *τὸ νήπιον* 'дитя, младенец', в котором можно видеть отрицание *νη-* в сочетании с корнем *επ-*, обозначающим речь: *ἔπω* 'говорить, рассказывать', *τὸ ἔπος* 'слово, речь, рассказ' (ср. аналогичную модель в греческом слове *νηστεία* 'пост', составленном из отрицания *νη-* и корня со значением еды, поедания, присутствующего в глаголах *ἔδω*, *ἐσθίω* 'есть'). В данном случае перед нами снова типологическое сходство генетически различных образований в родственных языках.

Подведём итоги сказанному. В ходе нашего небольшого сопоставительного анализа выявлено, что в лексической группе наименований ребёнка почти отсутствуют (за исключением, может быть, пары рус. *ребёнок* – греч. *ὄρφανός*) прямые этимологические корреляции между славянскими и греческими номинациями, хотя можно с уверенностью говорить о родстве ряда корневых и аффиксальных морфем. Это, вне всякого сомнения, свидетельствует о более позднем формировании членов данной лексической группы в эпоху раздельного функционирования греческого и славянского праязыков. В отличие от гендерно конкретизированных древнейших лексем *сын* и *дочь*, отражающих кровные родственные связи, слова типа *дитя*, *ребёнок*, *младенец* обладают уже некоторой долей абстрактности, будучи номинациями по безотносительному к родству признаку невзрослости, возрастной «малости». Принадлежность большинства таких лексем к грамматическому среднему роду связана, по всей видимости, с социальной пассивностью, незначимостью обозначаемых ими объектов, что могло служить причиной более позднего языкового оформления этих лексических единиц.

В то же время исследуемые греческие и славянские наименования ребёнка обнаруживают определённое типологическое сходство в отношении словообразовательной структуры и семантики. Так, многие дериваты имеют отглагольную природу и выражают идею прямого объекта при глаголах со значением зачатия, рождения, вскармливания. При внешней разности корневых морфем внутренняя форма таких образований оказывается схожей (иногда выявляется сходство и словообразовательных средств, ср. выше наши рассуждения о славян.

ч_адо и греч. παις ‘ребёнок’). Аналогия обнаруживается и у слов со значением носителя глагольного признака – «неговорения»: не будучи родственными генетически, др.-рус. *отрок* (*отроча*), укр. *немовля* и греч. *νήπιον* ‘дитя, младенец’ в целом идентичны по структуре.

Таким образом, краткий анализ происхождения важнейших славянских наименований ребёнка свидетельствует о том, что привлечение греческого материала при этимологическом исследовании демонстрирует не только генетическое родство древнейших славянских и греческих корней, но и типологическое сходство в построении внутренней формы слов.

Источники

- ДГР – *Дворецкий И.Х.* Древнегреческо-русский словарь: в 2 т. – М.: ГИС, 1958. – Т. 1: А–Л. – 1043 с.; Т. 2: М–Ω. – 1044–1904 с.
- Ож. – *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

Литература

1. *Супрун А.Е.* Древние славяне и их прародина // Рус. филол. портал. – URL: <http://philology.ru/linguistics3/suprun-89f.htm>, свободный.
2. Историческая грамматика древнерусского языка: в 4 т. – М.: Азбуковник, 2006. – Т. 4: Числительные. – 358 с.
3. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – СПб.: Терра-Азбука, 1996. – Т. 1: А–Д. – 576 с.; Т. 4: Т–Ящур. – 864 с.
4. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – М.: Рус. яз., 1994. – Т. 1: А–Пантомима. – 623 с.; Т. 2: Панцирь–Ящур. – 560 с.
5. *Аюпова Е.И.* Специфика семантического развития лексики *дети* в аспекте проблемы тождества слова // Учён. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2008. – Т. 150, кн. 6. – С. 243–249.
6. *Трубачёв О.Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. – 213 с.
7. *Бернштейн С.Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков: Чередования. Именные основы. – М.: Наука, 1974. – 378 с.
8. *Колесов В.В.* Древнерусская цивилизация. Наследие в слове. – М.: Ин-т рус. цивилизации, 2014. – 1120 с.
9. *Трубачёв О.Н.* Происхождение названий домашних животных в славянских языках (Этимологические исследования). – М.: Изд-во Акад. наук, 1960. – 115 с.
10. *Цейтлин Р.М.* Сравнительная лексикология славянских языков X/XI – XIV/XV вв. Проблемы и методы. – М.: Наука, 1996. – 232 с.

Поступила в редакцию
28.03.17

Аюпова Елена Ильдаровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии

Казанская православная духовная семинария
ул. Челюскина, д. 31а, г. Казань, 420036, Россия
E-mail: eaupova@yandex.ru

The Slavonic-Greek Etymological Studies (Based on Child Names)

E.I. Ayupova

Kazan Orthodox Theological Seminary, Kazan, 420036 Russia

E-mail: eayupova@yandex.ru

Received March 28, 2017

Abstract

The aim of this paper is to analyze the etymological affinity between Slavonic and ancient Greek child names among common nouns. The comparative-typological method of study offers some suggestions about the affinity of cross-language correlates on the basis of the discovery of their phonetic and derivational similarity. It has been assumed that detection of direct etymological correspondences in this lexical group is not always possible because of the isolated formation of the corresponding lexemes in these languages. However, even in the absence of direct links, the genetic affinity of the languages generates the structural-typological similarity.

It has been revealed that the supposed similarity of root morphemes requires serious semantic validation. For example, under discussion remains the version approximating the Slavonic **robę* and Greek *orphanos*. The relationship of the root **mold-* with the words *melos* ‘member, part of the body’, *malakos* ‘soft, gentle etc.’ is also speculative, though it finds support in the field of Slavonic and Germanic correspondences. In some cases, we can trace not only the root similarity, but also the affixal affinity of Slavonic and Greek formations, possibly restored derivational models. For instance, to the Slavonic **dęte* are detected phonetically close Greek roots with the same idea of sucking, feeding as well as verbal suffixal morphemes providing the assignment of child names to the neutral grammatical gender. In the different root formations **ędo* and *pais*, a common internal form has been found (which links to the idea of conception). It is expressed by the similar suffixal formant **-d-* with object semantics. Typological similarity has been revealed in the Slavonic and Greek prefixal derivatives, which reflect by different means a general idea of the impossibility/inability to speak.

Lexical and grammatical investigations of this paper allow to draw the practically significant conclusion about the importance of bringing the Greek material in etymological analysis of the Slavonic lexicon.

Keywords: Slavonic-Greek etymology, child names, derivational model, genealogical affinity, typological similarity

References

1. Suprun A.E. The early Slavs and their ancestral homeland. *Russkii Filologicheskii Portal* [Russian Philological Portal]. Available at: <http://philology.ru/linguistics3/suprun-89f.htm>. (In Russian)
2. Historical Grammar of Old Russian Language. Vol. 4: Numerals. Moscow, Azbukovnik, 2006. 358 p. (In Russian)
3. Vasmer M. Etymological Dictionary of the Russian Language. St. Petersburg, Terra-Azbuka, 1996. Vol. 1, A–D, p. 576. Vol. 4, T–Yashchur, 864 p. (In Russian)
4. Chernykh P.Ya. Historical and Etymological Dictionary of the Russian Language. Moscow, Russ. Yaz., 1994. Vol. 1, A–Pantomima, 623 p. Vol. 2, Pantsir’–Yashchur, 560 p. (In Russian)
5. Ayupova E.I. *Deti* lexeme semantic development specificity in terms of word identity problem. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2008, vol. 150, no. 6, pp. 243–249. (In Russian)
6. Trubachev O.N. History of the Slavonic Terms of Affinity and Some Ancient Terms of Social Structure. Moscow, Izd. Akad. Nauk SSSR, 1959. 213 p. (In Russian)

7. Bernstein S.B. Essay on Comparative Grammar of Slavonic Languages: Alternations. Nominal Stems. Moscow, Nauka, 1974. 378 p. (In Russian)
8. Kolesov V.V. Ancient Russian Civilization. Heritage in Word. Moscow, Inst. Russ. Tsiviliz., 2014. 1120 p. (In Russian)
9. Trubachev O.N. Etymology of Names of Domestic Animals in Slavonic Languages (Etymological Studies). Moscow, Izd. Akad. Nauk, 1960. 115 p. (In Russian)
10. Tseitlin R.M. Comparative Lexicology of Slavonic Languages in the 10th/11th – 14th/15th Centuries. Problems and Methods. Moscow, Nauka, 1996. 232 p. (In Russian)

Для цитирования: Аюпова Е.И. Славяно-греческие этимологические этюды (на материале наименований ребёнка) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2017. – Т. 159, кн. 5. – С. 1088–1096.

For citation: Ayupova E.I. The Slavonic-Greek etymological studies (based on child names). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2017, vol. 159, no. 5, pp. 1088–1096. (In Russian)